

Том, - написала Джинни.- Как ты выглядел?

Она уже начала задумываться об этом.

Было невозможно проводить столько времени, флиртуя со своей командой глупых мальчишек, и не начать думать о парне, который был ее самым близким, уверенным в себе и лучшим другом, о парне, у которого, как она знала, были планы.

Ей нравились его планы; она с нетерпением ждала, когда эти планы воплотятся в жизнь.

Он говорил о ней как о влиятельном политике, которого уважают и которым восхищаются, а не как о нищей предательнице крови.

Он рисовал будущее своими словами, а она читала дневник и улыбалась про себя. Она была бы великой леди. Все будут любить ее, но и бояться, хотя бы немного. Она знала, что ее вопрос был глупым. Не имело значения, как он выглядит. Он был ее Томом. Ее Том. И все же.

Я уверен, что есть фотографии, - сказал Том.

Они были.

Она потратила несколько дней, чтобы найти все упоминания о Томе Ридdle в школьных архивах.

Блестящий. Староста. Сирота. Он был всем тем, за кого себя выдавал, но при этом преуменьшал свои достижения.

В жизни Том Риддл был вундеркиндом. Она подозревала, что он был чем-то большим, чем это.

После окончания школы упоминания о нем исчезли. В старых экземплярах "Ежедневного пророка" Том Риддл не фигурировал как восходящая молодая звезда Министерства.

Том Риддл никогда не возвращался на мероприятия для выпускников и не появлялся в колонках "Где они сейчас" в школьной газете. Он поместил частичку себя в ее дневник, окончил школу и исчез.

Она подозревала, что магия, необходимая для того, чтобы поместить фрагмент себя в дневник, - это не то, о чем ей следовало спрашивать на Чарах.

Она подозревала, что исчезнувший человек не уехал разводить мандрагоры в безвестности.

Конечно, в ходе всех этих поисков она нашла его фотографии, но на школьных снимках были только группы мальчиков в академических мантиях. Их черты лица едва можно было разобрать. Все, что она смогла определить, это то, что у него бледная кожа и темные волосы.

Плохие фотографии, - жаловалась Джинни, делая запись в дневнике.- Маленькие, зернистые, черно-белые. Это не то же самое, что видеть кого-то. Я хочу увидеть тебя.

Дневник, казалось, колебался. - Я могу показаться тебе, - наконец написал он.- Но ты должна выпустить меня. Я должен черпать из тебя силы, чтобы принять телесную форму.

Джинни не совсем понимала, что он имел в виду, но ей было все равно. Ее рука даже не дрогнула, когда она писала: "Сделай это. Я хочу увидеть тебя.

Посмотри в зеркало.

Слова не были написаны в дневнике, она слышала их в своей голове, как будто кто-то стоял рядом с ней и шептал ей на ухо, и звук его голоса, темного, теплого голоса, пронизанного шуткой, которой он, казалось, приглашал ее поделиться, заставлял ее трепетать.

Она оставила книгу открытой на кровати, где сидела, задернула шторы, как всегда, чтобы уединиться, и подошла к маленькому зеркалу, висевшему над комодом. В этот раз никого из ее болтливых, надоедливых соседок не было рядом, и она могла спокойно посмотреть на себя.

Она была там, в своем отражении, как всегда. Бледная кожа, рыжие волосы, карие глаза. Она была крепким и неинтересным ребенком с царапиной на носу и чернильным пятном под одним глазом, который она потеряла раньше.

Она слегка улыбнулась зеленой шелковой ленточке, завязанной вокруг ее хвостика; Теодор Нотт прикрепил ее за завтраком, прежде чем дернул ее за волосы и пошутил насчет рыжих и вспыльчивых.

Рядом с ней, однако, стоял почти призрак. Бледный мальчик был старше ее и выглядел так безупречно, что у нее перехватило горло.

Как может один человек быть таким... симметричным? Блейз был самым красивым мальчиком, которого она когда-либо встречала, и даже Драко привлекал внимание, но Том даже не казался реальным.

Красивое лицо с высокими скулами и глубокими синими глазами улыбалось ей из своего отражения.

Эта улыбка очаровала бы даже самое черствое сердце, вытянула бы из ее души любую тайну, привела бы самих богов к гибели. Он протянул полупрозрачную руку, чтобы откинуть темный локон со лба, а затем коснулся ее волос.

Она не чувствовала руки и повернулась, чтобы посмотреть рядом с собой, но там никого не было. Она снова посмотрела в зеркало, и он снова улыбнулся ей, поправляя прядь ее волос.

- Так я тоже могу видеть тебя, - прошептал голос в ее голове. - О, Джиневра, какой красавицей ты станешь. Мы с тобой превратим тебя в нож, которым люди будут умолять порезать себя, а потом будут благодарить тебя за эту привилегию.

"Сколько тебе лет?" - спросила она, замороженная и не в силах отвести от него глаз.

Он пожал плечами. - Точно не знаю. Мне было шестнадцать, когда я поместил часть себя в дневник, - сказал голос.

Это было несколько десятилетий назад, но большую часть этого времени я провел в... Я не осознавал этого. С момента моего рождения? Я мог бы быть твоим дедушкой. Фактические годы, которые я пережил?

Он снова пожал плечами, и это движение выглядело таким же красивым, как и все остальное. Может быть, семнадцать? Он снова провел призрачной рукой по ее волосам, и на этот раз она почти почувствовала это.

Слишком стар для тебя, Джиневра, и, какой бы красивой ты ни была, ты не совсем в моем

вкусе. Занимайся своими маленькими второкурсниками, а я буду опосредованно переживать твои романы по мере их возникновения.

Она кивнула, глядя на мальчика в зеркале. Чем дольше они стояли, тем более реальным он казался, пока у нее не закружилась голова.

Ее колени подкосились, мир стал туманным, а пол приближался к ней. Джиневра, - услышала она его слова, произнесенные тоном потрясенного беспокойства, а потом она упала в темноту, и падала, падала, падала, и все было безмолвно.

<http://tl.rulate.ru/book/81026/2481310>